

Litera

Правильная ссылка на статью:

Боброва А.В. Особенности передачи концептуального содержания ОДИНОЧЕСТВА и УЕДИНЕНИЯ при переводе художественного текста (на материале оригинальных и переводных текстов А. Битова) // Litera. 2025. № 5. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.5.74493 EDN: BYWLMQ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74493

Особенности передачи концептуального содержания ОДИНОЧЕСТВА и УЕДИНЕНИЯ при переводе художественного текста (на материале оригинальных и переводных текстов А. Битова)

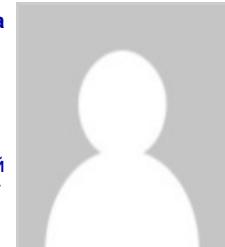
Боброва Анна Витальевна

ORCID: 0009-0002-3378-4465

кандидат филологических наук

доцент; Институт филологии и медиакоммуникаций; Новосибирский государственный педагогический университет

630126, Россия, Новосибирская обл., г. Новосибирск, Октябрьский р-н, ул. Вилуйская, д. 28 к. 3

✉ annebeaver@gmail.com

[Статья из рубрики "Перевод"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.5.74493

EDN:

BYWLMQ

Дата направления статьи в редакцию:

13-05-2025

Дата публикации:

20-05-2025

Аннотация: В статье рассматривается содержательная специфика концептов ОДИНОЧЕСТВО и УЕДИНЕНИЕ, реконструируемых в художественной картине мира А. Битова на основе сопоставления его оригинального и переводного текстов. Исследование направлено на выявление и описание лексических и грамматических сходств и различий исходных и переводных единиц в аспекте передачи базовых слоев концептуального содержания: ОДИНОЧЕСТВО как неодинаковость ментального действия, солиптическое ОДИНОЧЕСТВО, ОДИНОЧЕСТВО как чувство, УЕДИНЕНИЕ как

особое психическое состояние. Прогнозируется возможность «считывания» реципиентом-носителем английского языка русских национально-специфичных и индивидуально-авторских смыслов этого концепта в текстах-переводах. Особое внимание уделяется поиску эффективных приемов достижения адекватной передачи концептуальной и эмоционально-оценочной информации в тех случаях, когда прямые языковые эквиваленты отсутствуют или не обеспечивают функциональной равнозначности. В основу исследования положен сопоставительный анализ текстовых репрезентантов, устанавливаемых через реконструкцию ассоциативно-смыслового поля номинантов концептов ОДИНОЧЕСТВО и УЕДИНЕНИЕ, выявление и описание лексических и грамматических сходств и различий исходных и переводных единиц в аспекте передачи концептуального содержания. Новизну работы определяет то, что в ней интерпретационный и трансформационно-переводческий аспекты рассмотрены с позиций лингвокогнитивного подхода, а материалом впервые становятся переводы художественных произведений А. Битова на английский язык. В ходе исследования было доказано, что использование прямых межъязыковых эквивалентов в качестве переводных соответствий не всегда является релевантным в силу того, что вербализация эмоций происходит по-разному в русской и английской лингвокультурах. Проведенный анализ позволил установить как общие, так и лингвоспецифичные особенности смыслового восприятия, а также выявить способы реконцептуализации исходного сообщения, обеспечивающие возможность межъязыкового перевода. Автором определены переводческие трансформации, позволяющие с разной степенью концептуальной эквивалентности передать исходное содержание с помощью различных единиц языка перевода, а также осуществлена попытка оценить возможность «считывания» реципиентом-носителем английского языка индивидуально-авторских смыслов концептов ОДИНОЧЕСТВО и УЕДИНЕНИЕ в текстах-переводах.

Ключевые слова:

концепт, концептуальное содержание, когнитивные признаки, интерпретационный потенциал, художественный перевод, языковые эквиваленты, межъязыковая асимметрия, переводческие трансформации, эквивалентность перевода, адекватность перевода

Введение

Настоящая работа является в целом концептуологическим исследованием, но в то же время включается в обсуждение актуальных проблем не только когнитивной лингвистики, но также коммуникативной лексикологии, межкультурной коммуникации, теории и методологии перевода художественного текста, поскольку представляет собой попытку комплексного описания языковой материализации концептуального содержания ОДИНОЧЕСТВА и УЕДИНЕНИЯ в оригинальных и переводных текстах А. Битова.

Объектом исследования выступают элементы языковой системы, репрезентирующие концептуальное содержание ОДИНОЧЕСТВА и УЕДИНЕНИЯ в художественной картине мира (ХКМ) А. Битова, реконструируемой на основе оригинальных текстов писателя, а также их соответствия в переводных текстах.

Предмет исследования – содержательная специфика концептов ОДИНОЧЕСТВО и УЕДИНЕНИЕ в художественной картине мира писателя А. Битова, репрезентированной в его прозаических текстах, а также возможность «считывания» реципиентом-носителем

английского языка русских национально-специфичных и индивидуально-авторских смыслов этого концепта в текстах-переводах.

Цель исследования – выявление сходств и различий основных языковых средств репрезентации концептов ОДИНОЧЕСТВО и УЕДИНЕНИЕ в оригинальных прозаических текстах А. Битова и их переводе на английский язык для установления специфики индивидуально-авторского мировоззрения, а также определение адекватности перевода в аспекте передачи специфики концептуального содержания.

Мы предполагаем, что результаты, полученные нами в ходе реконструкции концептуального содержания ОДИНОЧЕСТВА и УЕДИНЕНИЯ в художественных текстах писателя А. Битова [1], открывают новое направление в исследовании, которое позволит углубить наши знания не только о структуре и способах текстовой репрезентации художественных концептов, но и о возможностях перекодирующей интерпретации, которая является прямым отражением индивидуального и коллективного (культурного) когнитивного опыта. Это определяется тем, что особенности мировосприятия отдельного народа, возможности языка становятся более выраженными на фоне иной культуры, другого языка.

Как отмечает В. Н. Комиссаров, «перевод может рассматриваться как крупномасштабный естественный эксперимент по сопоставлению языковых и речевых единиц в двух языках в реальных актах межъязыковой коммуникации, и его изучение позволяет обнаружить в каждом из этих языков немаловажные особенности, которые могут оставаться не выявленными в рамках “одноязычных” исследований» [2, с. 4]. Таким образом, мы предполагаем, что сопоставление исходного и переводного текста с большой долей вероятности позволит нам выявить новые элементы различных уровней концептуального содержания, которые были для нас скрыты в ходе внутриязыкового исследования.

Установление переводных текстовых соответствий, определение их места в языковой системе и структурной организации текста с последующей интерпретацией в когнитивном ключе позволит нам определить место анализируемых элементов в концептуальных системах двух художественных картин мира – оригинальной и воссоздаваемой на английском языке. Поскольку нас интересуют не столько языковые единицы, сколько концептуальное содержание, ими выражаемое, в своем исследовании мы будем стремиться не только установить степень эквивалентности языковых единиц оригинального и переводного текста, но и проанализировать способы достижения адекватности перевода.

Методы и материалы

Выбранный предмет исследования предполагает обращение к достижениям широкого круга научных направлений современного гуманитарного знания (лингвокогнитология, эмотиология, коммуникативная стилистика, контрастивная лингвистика, межкультурная коммуникация), а также делает возможным использование элементов разных исследовательских методик в комплексе (компонентный анализ, этимологический анализ, контекстный анализ, концептуальный анализ, сопоставительный анализ) с последующей интерпретацией полученных результатов в когнитивном ключе.

При анализе речевого материала с целью выявления особенностей взаимодействия языкового (узуального) значения с когнитивными контекстами основным методом исследования стал метод интерпретации и когнитивного моделирования. Основным методом исследования отношений между русскоязычными и англоязычным

репрезентантами концептов, а также между оригинальными и переводными текстами стал сопоставительный анализ.

Материалом исследования в этой статье стали произведения А. Битова, созданные им в 1960-1980-х гг.: «Бездельник», «Инфантьев», «Жизнь в ветреную погоду», «Но-га», «Образ», «Пенелопа», а также их переводы на английский язык, выполненные А. Калверт и П. Монкс.

Научная новизна исследования

Несмотря на то, что А. Битов (1937-2018) известен западному читателю, его произведения переведены на семь иностранных языков, в том числе английский (в 1986 году в издательстве «Ardis» вышел первый сборник его рассказов и повестей на английском языке «Life in windy weather» [\[3\]](#)), а его творчество многократно подвергалось оценке зарубежной критики (см., например, обзор в монографии М.С. Савельевой [\[4\]](#)), переводы на английский язык художественных произведений этого писателя впервые становятся материалом лингвокогнитивного исследования в интерпретационном, трансформационно-переводческом и сопоставительном аспектах.

Основные положения и результаты исследования

Художественное содержание любого литературного произведения облекается в языковую форму и только в ней может существовать, поэтому лингвистический подход к художественному тексту и его переводу на другой язык позволяет более точно определить и описать компоненты художественного текста, которые следует считать трансляционно-релевантными, а также методические аспекты процедуры сопоставительного анализа исходного текста (ИТ) и переводного текста (ПТ).

Внешняя сторона художественного перевода заключается в передачи информации путем замены кода исходного языка кодом переводного языка (семиотическая операция). Однако переводчику необходимо выходить за границы этих кодовых систем, восстанавливая инвариантное содержание, не привязанное ни к одной из этих систем. Поэтому внутренняя сторона художественного перевода заключается в истолковании исходного текста (герменевтическая операция).

Рассматривая перевод как межкультурное событие М. Снелл-Хорнби подчеркивает большую роль культурного переноса при переводе. Характеризуя культурный перенос, исследовательница вводит два новых термина: *измерение* и *перспектива*. Измерение понимается как языковая ориентация текста через отбор лексики, стилистических приемов и синтаксических структур. Под перспективой текста понимается точка зрения говорящего, автора или читателя, определяемая их культурой, отношением к описываемым событиям, местом и временем создания текста. При переводе перспектива всегда меняется, что должно учитываться переводчиком [\[5\]](#).

При смысловой многозначности художественного слова, сложности структурной организации литературного произведения, велика вероятность того, что выбранная в качестве эквивалента единица не будет занимать аналогичное место в структуре воссозданного на другом языке текста и сможет вступать в тот широкий спектр смысловых текстовых связей (прямых, ассоциативных), который имеет слово оригинала.

Реконструкция концептуального содержания проводится на основе ассоциативно-смыслового поля (АСП) текста, под которым мы, вслед за Н. С. Болотновой, будем понимать «концептуально-объединенные лексические элементы на основе их

эстетических значений, то есть системных текстовых качеств слов» [\[6, с. 40\]](#). Идея применения этого метода при концептуальном анализе активно развилась на базе такого исследовательского направления, как коммуникативная стилистика текста. Методология этого направления предполагает, что реконструкция концептуального содержания осуществляется посредством выявления лексических репрезентантов концепта и слов, связанных с ним ассоциативно и «входящих в образную перспективу номинанта концепта» через актуальный для данного текста смысл, а также «системно-языковые параметры и характеристики, включая семантические, формальные и формально-семантические» [\[7, с. 32\]](#).

Наше исследование будет односторонним: выявив способы эспликации концептуального содержания в оригинальном тексте, мы займемся определением и поиском способов его выражения в соответствующем ему переводном тексте. Затем нам предстоит проанализировать выявленные нами текстовые единицы по четырем параметрам: форма, значение, дистрибуция, коннотация – на их соответствие параметрам единиц ИТ. Следующим этапом анализа текстовых смыслов станет реконструкция ассоциативно-текстовых связей элементов ПТ, которые соответствуют выявленным нами экспликаторам концептуального содержания в ИТ. На основе этой реконструкции мы получим модель смысловой структуры концептов LONELINESS и SOLITUDE в каждом отдельном фрагменте ПТ.

В качестве основы описания мы принимаем концептуальную структуру ментального конструктора ОДИНОЧЕСТВО/УЕДИНЕНИЕ, представленную в уже упомянутом нашем исследовании [\[1\]](#). В рамках этой статьи мы рассмотрим только базовые концептуальные слои этого конструктора: ОДИНОЧЕСТВО как неодинаковость ментального действия; солиптическое ОДИНОЧЕСТВО; ОДИНОЧЕСТВО как чувство; УЕДИНЕНИЕ как психическое состояние.

Вербальные реализации концептуального слоя «ОДИНОЧЕСТВО как неодинаковость ментального действия»

Базовым смыслом концепта ОДИНОЧЕСТВО, моделируемого на основе прозаических текстов Андрея Битова, является ОДИНОЧЕСТВО как неодинаковость ментального действия/состояния. К ментальным действиям в данном случае мы относим акты восприятия, мышления, памяти, оценки, желания, чувства. В узуальной картине мира данный когнитивный признак относится к интерпретационному полю концепта ОДИНОЧЕСТВО и репрезентируется преимущественно посредством лексемы отчуждение (“прекращение близких отношений между кем-н., внутреннее отделение” [\[8\]](#)). Уникальность ХКМ А. Битова заключается в этом изменении иерархичности концептуальной структуры и функционировании знаков семиотической системы. Потому можно предположить, что именно в этой смысловой области будет наблюдаться наибольшая неустойчивость в выборе эквивалентных форм при переводе на английский язык.

В рассказе «Но-га» вернувшийся после эвакуации второклассник Зайцев, чувствует себя одиноким оттого, что его как будто не замечают другие. Ему кажется, что он отличается от остальных в худшую сторону и потому у него не получается найти друзей. Желая повысить свою ценность в глазах одноклассников, он компенсирует свои недостатки повышенным вниманием к ребятам и «дарами», но неизменно встречает равнодушие. Рассмотрим, как эта ситуация представлена в оригинальном и переводном тексте:

Он всегда **ждал дружбы**, и она **не удавалась**, как-то он не был нужен <...> Он

старался им **услужить, заискивал**, отдавал им свой завтрак и папиросы. Они **пожимали плечами и равнодушно** забирали дары. <...> Какими ловкими и смелыми казались ему **все, кроме него...** Как он завидовал и как ненавидел себя (А. Битов. *Нога*)[\[9\]](#).

He was always waiting for friendship, but it didn't work out - he didn't seem to be needed <...> *He tried to ingratiate himself, would give them his sandwiches and cigarettes. They would shrug their shoulders and appropriate the gifts with expressionless faces* <...> *How clever and brave everybody else seemed. How envious he was and how he hated himself* (The leg. Trans. by P. Monks) [\[10\]](#).

В целом данные фрагменты представляются равноценными с функциональной и стилистической точки зрения, поскольку переводчику удается средствами ПЯ обозначить ключевые слова АСП, передающие смысл ОДИНОЧЕСТВА, достаточно точно *ждал дружбы* – *was waiting for friendship*, *как-то он не был нужен* – *he didn't seem to be needed*, *равнодушно* – *with expressionless faces*), а также передать социальное неравенство (старался **услужить, заискивал** – *tried to ingratiate*) и дескриптивное описание непонимания со стороны одноклассников (*пожимали плечами* – *would shrug their shoulders*). Структурно-семантическая асимметрия наблюдается в виде таких переводческих трансформаций как замена (*равнодушно* – *with expressionless faces*), которая переводит проявление эмоций во внешнюю среду, и упущение (старался **услужить, заискивал** – *tried to ingratiate*), что несколько снижает градус эмоциональности.

В рассказе «Инфантьев» потеряность героя, его «отключенность» от процесса похорон жены являются признаком ОДИНОЧЕСТВА. Инфантьев будто не понимает, что происходит, чем заняты люди вокруг. Его смятение передано не только лексически (**потерянным, постороннее, непонятно, странных, неведомо что**), но и грамматически посредством коротких предложений, скрепленных в одно сложное по принципу потока сознания:

Легко сказать: он чувствовал себя потерянным... <...> он, конечно же, убегал от процессии, потому что там происходило что-то явно постороннее, не имевшее к нему отношения, и непонятно было, зачем он участвует, должен участвовать в странных передвижениях людей с длинным ящиком, заключившим в себе... нет, конечно же, нет! – неведомо что (А. Битов. *Инфантьев*) [\[11\]](#).

To say he felt lost was putting it mildly... <...> he was, of course, running from the procession because, obviously what was happening there had nothing to do with him and he couldn't understand why he was taking part in it, why he should participate in the strange movements of people around a long box containing No, of course not! – containing God knows what (Infantiev. Trans. by P. Monks) [\[12\]](#).

Как и в предыдущем фрагменте, в целом ПТ достаточно точно передает пунктуационное оформление и эмоциональный фон ИТ. Однако АСП оригинала оказывается больше по объему, поскольку не все его единицы имеют эквиваленты в ПТ (**чувствовал себя потерянным** – *felt lost*, **что-то постороннее** – *∅*, **не имевшее к нему отношения** – *had nothing to do with him*, **непонятно** – *couldn't understand*, **странных** – *strange*). Кроме того, здесь мы наблюдаем некоторую асимметрию плана выражения: изменения синтаксической структуры (из бессоюзного в сложноподчиненное, из безличного в двусоставное), замена предлога (*с длинным ящиком* – *around a long box*), перекодировка

фразеологического оборота (*неведомо что* – *God knows what*). Все эти трансформации создают в конечном счете для читателя более организованное пространство ПТ и тем самым приводят к изменению объектов когнитивной сцены, а упущение лексемы *постороннее* в ПТ делает героя действующим лицом этой организованной сцены. Изменяется и перспектива: *obviously* установится вводным словом, оно передает оценку ситуации со стороны некоторым наблюдателем.

Случайная спутница, «маленькая и задрипанная», в своем несоответствии «высокому и широкоплечему» Лобышеву героиня рассказа «Пенелопа» чувствует ОДИНОЧЕСТВО. Она так нуждалась в поддержке (любви, устройстве на работу), но Лобышев не смог оправдать ее ожидания:

Она озиралась, словно бы **не понимая**, куда **попала**. Что-то **детское** было сейчас в ее **лице, растерянное и пронзительное**. Казалось, она **стыдилась себя и чувствовала виноватой** – такое было лицо. **Все эти люди**, прохожие, и он, Лобышев, **были правы, а она – нет** (А. Битов. Пенелопа) [\[13\]](#).

She looked around her, as if not sure of where she was. There was something childlike in her face now, confused and poignant. It was as if she was ashamed of herself and felt guilty – that kind of face. The passers-by, Lobyshev, were all in the right. She wasn't. (Penelope. Trans. by P. Monks) [\[14\]](#).

АСП фрагмента: озиралась – не понимая – детское – растерянное – стыдилась – виноватой – все были правы, а она нет – строится на общности сем ‘непонимание’ и ‘нарушение’. При сохранении общего подобия содержательного плана, не все единицы АСП переводного текста являются точными эквивалентами русских: *looked around her* – “осматривалась вокруг”, *not sure* – “не будучи уверенной”, *confused* – “смущенное”, *where she was* – “где она была”. Таким образом, в переводном тексте наблюдается семантическая асимметрия в сторону увеличения единиц, передающих семантику нарушения установленного порядка, за счет уменьшения количества единиц с семантикой непонимания (в оригинальном тексте количество этих единиц равно). Кроме того, смысловой признак нарушения порядка становится более актуализированным в ПТ на уровне синтаксиса за счет введения парцелляции.

ОДИНОЧЕСТВО как неспособность понимать другого (в силу различия убеждений, желаний) ведет к потере умения общаться и навыка общения. Мы понимаем под общением выстраивание, поддержку и развитие взаимоотношений двух и более людей, а не только процесс обмена информацией. Общение отца с сыном в повести «Жизнь в ветреную погоду» утрачивает именно этот качественный показатель:

Конечно, отец всегда говорил по несколько неестественному ходу, то есть говорил не из потребности, а для разговора <...> Но теперь он уже часто ощущал, что отец **не может иначе и что страшноватое одиночество есть в необязательных его разговорах**, когда отец за **неимением общения** стремится сохранить хотя бы **символ его** (А. Битов. Жизнь в ветреную погоду) [\[15\]](#).

Дифференциальной семой АСП данного фрагмента является искусственность как ведущий признак речи отца. Другой отличительной особенностью является то, что этот фрагмент содержит на морфемном уровне информацию о норме (если убрать множественные «не»). Теперь проанализируем, как эти смыслы передаются в ПТ:

Of course, his father's **conversational gambits** were always **somewhat artificial**, that's to say he spoke **not because he had to**, but for **the sake of making conversation** <...> But

Sergei often felt now, that his father **couldn't behave any other way** and that there was a **terrifying loneliness** lurking in these **random remarks** of his: **suffering from a lack of communication**, he was attempting to retain at least **the trappings of speech**. (Life in Windy Weather. Trans. by A. Calvert) [\[16\]](#).

Этот фрагмент является примером доместицирующего перевода: выбор языковых средств максимально приближает ИТ к принимающей культуре. Специфическое английское выражение *conversational gambits*, обозначающее некую фразу, которая используется в начале разговора с целью получения коммуникативного преимущества, нам представляется не вполне адекватным транслятором, как и *random remarks* ("случайные замечания"). Такие переводческие трансформации, заключающиеся в конкретизации понятия, не только приводят к семантической асимметрии ИТ и ПТ, но и создают совсем иной образ отца: легкого в общении и как будто ведущего в этом диалоге. Однако равновесие эмоционального фона фрагмента достигается за счет выбора более заряженных эмоционально лексем: есть – *lurking* ("таится"), страшноватое – *terrifying* ("ужасающее"), неимение общения – *suffering from a lack of communication* ("страдая от недостатка общения"). Другие лексические замены: по несколько неестественному ходу – *somewhat artificial* ("несколько искусственный"), символ [общения] – *trappings of speech* ("внешние атрибуты речи") можно считать вполне релевантными в аспекте передачи фактуальной информации, однако на уровне подтекста мы обнаруживаем утрату информации о норме, а также внутритекстовых отсылок к нереальности чувств как причине ОДИНОЧЕСТВА героев – значимого когнитивного признака в ХКМ А. Битова:

Теперь чувства стали образом, образом чувства. Чувства нет, а есть его образ: не любовь, а образ любви, не измена, а образ измены, образ дружбы, труда, дела и т.д. (А. Битов. Образ) [\[17\]](#). // *Feeling was now reduced to an image, the image of the former feeling. Feeling was gone, what remained was its image: not love, but the image of love, not unfaithfulness, but the image of unfaithfulness, the image of friendship, labour, work and so on. (The Image. Trans. by A. Calvert) [\[18\]](#).*

Потеря умения общаться приводит к утрате способности к адекватному восприятию мира, атрофии физических чувств в повести «Жизнь в ветреную погоду»:

И **одиночество** еще **пострашнее** становилось Сергею **понятно**, когда он об этом думал. То есть за долгие годы отцу **стало дорого по-своему сладкое чувство обиды**: «А что я такого сказал? **Вот никто меня не...**» После этого отцу как бы можно было не думать о многом, снимать с себя ответственность и **до тонкости вытренировывать свою слепоту** (А. Битов. Жизнь в ветреную погоду) [\[15\]](#).

Обрыв как стилистический прием, использованный во фразе «Вот меня никто не...», делает ее семантически многозначной, внутритекстовые связи позволяют ее продолжить различными способами: не понимает, не любит, не уважает, не ценит и т.д. – все зависит от воображения и опыта читателя. Это весь спектр потребностей человека как существа социального. ОДИНОЧЕСТВО наступает тогда, когда эти потребности не реализуются. Слепота героя является крайней формой его ОДИНОЧЕСТВА. Ранее мы уже писали о том, что внешние чувства (слух, зрение, вкус, обоняние, осязание) в ХКМ мира А. Битова являются экспликаторами внутренних чувств (любви, дружбы, интереса), а потеря чувствительности на физиологическом уровне является признаком ОДИНОЧЕСТВА героев [\[1\]](#). Теперь проанализируем, как эти смыслы транслированы в ПТ:

And as he thought about this, the significance of loneliness became even more

terrifyingly clear to Sergei. In other words, over the years, his father had come **to derive a masochistic pleasure from being hurt**. "But what did I say that I shouldn't have? **No one understands me.**" This absolved his father, as it were, from having to think about a lot of things, it relieved him of responsibility, and enabled him to hone his insensitivity to perfection (*Life in Windy Weather*. Trans. by A. Calvert) [\[16\]](#).

Как мы уже отмечали, для переводчика А. Калверт характерен доместицирующий перевод, признаки которого мы обнаруживаем и в этом фрагменте: отцу стало дорого по-своему сладкое чувство обиды – *his father had come to derive a masochistic pleasure from being hurt* ("его отец стал получать мазохистское удовольствие от того, что ему причиняют боль"). Кроме того, актуализированная многозначность фразы «Вот никто меня не...» в переведном тексте утрачивает свой смысловой потенциал, поскольку переводчик дает ее в завершенном виде «*No one understands me*» ("Никто не понимает меня"). При этом несомненным положительным моментом ПТ является более выраженная экспликация ментальной природы ОДИНОЧЕСТВА *the significance of loneliness*, компенсирующая недостаток в передаче этого смысла в предшествовавшем фрагменте.

Теперь рассмотрим, как реализуются смыслы НЕ-ОДИНОЧЕСТВА, противоположного состояния. Для наименования этого состояния, которое классифицируется как идеальная ситуация совместного существования людей, в текстах А. Битова используются различные лексемы – общность, одинаковость, согласие, равенство. В приведенном ниже фрагменте из рассказа «Бездельник» сразу несколько посторонних друг другу людей охватывает чувство сострадания к упавшей на мосту лошади («я и другие» трансформируется во «все мы»), и в этом едином желании помочь животному и вознице люди испытывают большое и радостное чувство НЕ-ОДИНОЧЕСТВА:

И тут какой-то молодой парень, **весело скаля зубы**, подбежал с другой стороны, чем возчик, и, что-то **весело** и **бодро** говоря лошади, стал **помогать** ей встать. Тогда подбежал и я и другие люди, и **все мы, объединенные чем-то большим и радостным для нас**, поставили лошадь на ноги, и изо всех сил, скользя и падая и вовсе не замечая этого, тянули телегу вверх по мосту и **кричали что-то громкое и веселое**, и вот лошадь с середины горбатого мостика вдруг отделилась от наших усилий и пошла сама. **Разошлись люди, ушел куда-то, скаля зубы**, первый парень, и **я остался снова один, и что-то большое**, что я чувствовал только что, **ускользало** от меня (А. Битов. *Бездельник*) [\[19\]](#).

АСП данного фрагмента базируется на семантическом повторе эмотивной лексики: весело – весело и бодро – большим и радостным – громкое и веселое. Обилие глаголов и деепричастий «оживляет» всю сцену, делает повествование динамичным, а эмоциональный фон – более выраженным. Обратим внимание на то, что при первом упоминании молодой парень подбегает «весело скаля зубы», а потом уходит куда-то тоже «скаля зубы», но уже без «весело». Так улыбка парня из дружелюбного знака превращается в знак агрессии и неприязни. Обратимся к переводному тексту:

At this point a young lad, with a cheerful grin on his face, runs up from the opposite side to where the carter is standing, and talking to the horse in an eager, encouraging voice, tries to help her to her feet. Then I run up too, as do some other people, and united by something that we feel is bigger than we are and that makes us happy, we get the horse standing upright, and using all our strength, slipping and falling and paying not the least attention to it, we push the cart up the bridge, shouting cheerfully; having reached the middle of the humpbacked bridge, the horse suddenly breaks away from us and begins moving of her own accord. The group of people disperse, the lad who'd come up first,

walks off, and I am left alone again, and something very big, which I've only just become aware of, slips away from me (The Idler. Trans. by A. Calvert) [20].

Переводчику удается в плане содержания достаточно точно транслировать все ключевые слова этого фрагмента: весело скаля зубы – *with a cheerful grin* ("с веселым оскалом"), весело и бодро говоря – *in an eager, encouraging voice* ("энергичным, ободряющим голосом"), объединенные чем-то большим и радостным для нас – *and united by something that we feel is bigger than we are and that makes us happy* ("объединяясь чем-то, что мы чувствуем большим, чем мы есть, и что делает нас счастливыми"), кричали что-то громкое и веселое – *shouting cheerfully* ("крича весело"), скаля зубы – *grinning* ("скаля зубы"). Потери минимальны и носят количественный, а не качественный характер. Изменения в плане выражения обусловлены грамматическими особенностями английского языка и не влияют существенно на смысловое восприятие. Замена эмотивного «что я чувствовал» ментальным вариантом «*I've become aware of*» ("что я осознал") представляется нам более чем адекватной, поскольку точнее передает ключевой концептуальный смысл ОДИНОЧЕСТВА как неодинаковости ментального действия.

Вербальные реализации концептуального слоя «солиптическое ОДИНОЧЕСТВО»

Солиптическое ОДИНОЧЕСТВО – это второй концептуальный слой, образующий понятийную составляющую ОДИНОЧЕСТВА в ХКМ А. Битова. Проблема большинства героев художественной прозы писателя – в самоидентификации: их окружают люди, с которыми не получается вступить в контакт и тем самым подтвердить свое существование. Т. А. Сотникова отмечает, что битовский герой «не может идентифицировать себя с действительностью, но по причинам не идеологическим, а экзистенциальным» [21, с. 94]. Солиптическое ОДИНОЧЕСТВО – это сущностное, абсолютное состояние героев А. Битова, заключающееся в том, что человек экзистенциально одинок. Оно противопоставлено временному и приобретённому одиночеству.

Персонажи прозаических произведений А. Битова будто живут в параллельных измерениях и, даже если в какой-то момент оказываются в одном географическом месте, все равно не могут вступить в контакт, как например, в рассказе «Бездельник»:

Многие люди проходят мимо меня, и я что-то понимаю про некоторых, они перестают быть незнакомыми – и проходят мимо, уходят. Тут приобретаешь и теряешь легко и мгновенно – прикосновение незнакомой жизни. Что-то тут не так. Особенно если девушки. Тут острее чувствуешь утрату: целый мир – взгляд – и мимо, мимо. Это так очевидно, почему их взгляд, и одежда, и походка почему, и так близко – протянуть руку, и так сложно, трудно прикоснуться. И мне кажется: в жестком прозрачном камне прорублены узкие каналы для каждого. У каждого неумолимый и одинокий путь, и только можно взглянуть с грустью и сожалением, как за прозрачной стенкой проходит другой один-человек и тоже смотрит на тебя с грустью и сожалением, и даже не останавливается, ни ты, ни она, не стучим в стенку, и не пишем пальцем, и не делаем знаков – проходим мимо, и столько в этом горького опыта невозможности (А. Битов. Бездельник) [19].

На протяжении этого фрагмента лексема мимо повторяется четыре раза и звучит рефреном в слове неумолимый. Второй связующей нитью является противопоставление один-человек – целый мир. Это и есть основа, вокруг которой строится АСП текста с дифференциальным смыслом 'отсутствие контакта'. Возможности героев ограничены

стеклянной преградой, допускающей лишь краткое установление зрительного контакта (взгляд), во время которого герои обретают на мгновение понимание другого человека (почему) и становятся как будто не одиноки. Проанализируем, как эти смыслы реализуются в переведном тексте:

*Many people **pass me** and I feel a **certain sympathy** for some of them, they're no longer just faces – but, even so, they **walk past, leaving me**. **Here the gains are easy, the losses instantaneous** – the **passing touch of a strange life**. There is something wrong in this. Particularly if it is a girl. For then **you feel the loss more keenly**: a **whole world** in a **look** – and **it is gone**. The **significance** of her gaze, her clothes, her walk, is so obvious, it is **so close** – you just have to **stretch out your hand** – and yet it is so **impossible to establish contact**. And it seems to me that **narrow channels** are hewn for each of us through **rough, transparent stone**. Each one of us **moves along a lonely, pre-determined path** and all you can do is gaze **wistfully** through the **transparent wall** as another **single-person** passes by, who also looks at you **with regret**, and neither you nor she stops, we **don't knock on the wall, don't trace a message with our finger, don't make any sort of sign** – we just **walk past** and there is so much that is **intolerable in this bitter experience** (The Idler. Trans. by A. Calvert) [\[20\]](#)*

АСП переводного текста также базируется на многократном повторении лексемы со значением "проходить мимо": *pass-past-passing-passes-past*, хотя это уже глагол в его различных временных формах. Кроме того, *pass* посредством звукового подобия вступает в ассоциативные связи с 2 словами фрагмента – *impossible* ("невозможный") и *path* ("тропа, путь"). Окказиональному образованию один-человек соответствует калькированное *single-person*, а его внутритекстовый антоним целый мир транслирован посредством устойчивого сочетания *a whole world*. Таким образом, основа АСП данного фрагмента передана хотя и не эквивалентна, но вполне адекватна в переведном тексте.

Что же касается остальных единиц тематической сетки, то здесь мы обнаруживаем несколько лексико-семантических трансформаций: *что-то понимаю про некоторых – I feel certain sympathy for some of them* ("я чувствую определенную симпатию к некоторым из них"), *они престают быть незнакомыми – they're no longer just faces* ("это уже не просто лица"), *взглянуть с грустью и сожалением – gaze wistfully* ("взглянуть задумчиво"), *смотрит на тебя с грустью и сожалением – looks at you with regret* ("смотрит на тебя с сожалением"), *у каждого неумолимый и одинокий путь – each one of us moves along a lonely, pre-determined path* ("каждый из нас движется по одинокому, заранее определенному пути"), *столько в этом горького опыта невозможности – so much that is intolerable in this bitter experience* ("столько всего невыносимого в этом горьком опыте").

Как видим, в некоторых текстовых эквивалентах ментальный компонент замещен эмотивным (понимаю – *feel sympathy*, невозможности – *intolerable*), однако он вполне компенсируется в других переводных соответствиях (с грустью – *wistfully*, неумолимый – *pre-determined*). Актантные трансформации в плане выражения соответствуют реалиям английского языка. Поэтому мы можем говорить об определенном тождестве смыслового содержания ИТ и ПТ на уровне всего абзаца.

Вербальные реализации концептуального слова «ОДИНОЧЕСТВО как чувство»

Говоря об ОДИНОЧЕСТВЕ как чувстве, мы отмечаем малую частотность появления в текстах А. Битова лексемы одиночество в значении состояния души, особого душевного переживания. Отличительной характеристикой ХКМ писателя является то, что ОДИНОЧЕСТВО очень редко локализуется в обычном для чувств месте –

душе/сердце/груди человека, его испытывающего (хотя Ю.Д. Апресян отмечал, что такая локализация является характерной для русской языковой картины мира [\[22\]](#)), но почти всегда изображается через физический дискомфорт человека в окружающем пространстве, например:

Зайцев **оставался один** и шел **один**. Портфель становился **тяжелым** и **чужим**, и Зайцеву было **тоскливо** (А. Битов. Но-га) [\[9\]](#).

*Batov was **left alone** and walked **alone**. His satchel **would feel heavy** and **unfriendly** and Batov **would feel sad** (The leg. Trans. by P. Monks) [\[10\]](#).*

Одиночество как состояние отсутствия других рядом передано посредством повтора лексемы **один**. ПТ в этом демонстрирует абсолютное тождество и содержит полный эквивалент в английском языке – лексему *alone*. Ощущения героя переданы с помощью лексем **тяжелый** (*heavy*), **чужой** (*unfriendly*), **тоскливо** (*sad*). И здесь мы уже видим лексико-семантические преобразования, поскольку русской лексеме **чужой** в английском языке соответствуют другие слова лексико-семантического поля LONELINESS/SOLITUDE а именно: *alien, stranger*. Выбор переводчика лексемы *unfriendly* может быть обусловлен желанием выстроить отношения контрадикторности с последующим контекстом (*He was always waiting for friendship* – Он всегда ждал дружбы). Однако ИТ не имеет таких текстовых связей.

Что касается соответствия лексем **тоскливо** и *sad*, то здесь наблюдается межъязыковая асимметрия, поскольку *sad* является только частичным эквивалентом, который не передает всех компонентов значения русской лексемы. В комментариях к своему переводу «Евгения Онегина» на английский язык В. Набоков писал: «Ни одно слово в английском не передает всех оттенков слова «тоска». В его наибольшей глубине и болезненности – это чувство большого духовного страдания без какой-либо особой причины. На менее болезненном уровне – неясная боль души, страстное желание в отсутствии объекта желания, болезненное томление, смутное беспокойство, умственные страдания, сильное стремление. В отдельных случаях это может быть желание кого-либо или чего-либо определенного, ностальгия, любовное томление. На низшем уровне тоска переходит в апатию, скучу» [\[23\]](#).

Подобная лексико-семантическая асимметрия возникает и в случае выбора в качестве переводного эквивалента лексемы *miserable* (“очень несчастный”), как это было сделано в следующем фрагменте из рассказа «Бездельник», ср.:

И такая вдруг подступила **тоска** – жить не хочется. (А. Битов. Бездельник) [\[19\]](#).

*I suddenly **feel so miserable** that I don't want to live (The Idler. Trans. by A. Calvert) [\[20\]](#).*

Таким образом, можно считать, что переводческие трансформации в этом случае обусловлены лакунарностью языкового выражения соответствующей зоны спектра чувств.

Рассмотрим еще один фрагмент из рассказа «Но-га» и его перевод на английский язык, ср.:

И они, **серые, сомкнутые**, повернулись и пошли. И он [Зайцев] снова был **оттеснен**, как в игре, как в столовой, как в раздевалке, как... он всегда был **так несчастлив** от этого (А. Битов. Но-га) [\[9\]](#).

*And they turned and walked on. Once again he was being **left alone**, like in games, like in the dining room, like in the cloakroom, like... It always made him **very unhappy** (The leg. Trans. by P. Monks) [\[10\]](#).*

ОДИНОЧЕСТВО героя здесь также передано через физические ощущения *оттеснен* ("надвигаясь, наступая, заставить уйти, отодвинуться"). Кроме того, обратим внимание, что в ИТ отношения субъектов когнитивной сцены переданы посредством пассивного залога. В ПТ эта ситуация также описана посредством пассивного залога (*was being left*), но лексема другая – *alone*, базовая лексема в описании состояния одиночества, а потому нейтральная, не содержащая каких-либо оттенков значения и коннотаций, что, определенно, можно считать смысловой потерей. Определенно, смысловой потерей можно считать и упущение лексем *серьезные, сокрушающие*, поскольку они передают смыслы отделенности других, у которых «*свои дела*», которые «*проходят мимо*». Актантная трансформация в последнем предложении фрагмента усиливает смыслы неконтролируемости ситуации со стороны субъекта чувства.

Пассивная конструкция при описании состояния ОДИНОЧЕСТВА используется и в следующем фрагменте из рассказа «Бездельник», в котором другие люди также представлены как проходящие мимо «деловые лица»:

*Много людей, все спешат, и у всех **деловые лица**. Все идут куда-то. И это означает, что всё, что кончился покой. Мной овладевает **ощущение неприкаянности, отщепенства и суеты**. Я очень **томлюсь**, что я **не как все** (А. Битов. Бездельник) [\[19\]](#).*

Ощущения героя в этом фрагменте переданы посредством лексем *неприкаянность* ("состояние не находящего себе места, не имеющего постоянного места, положения в жизни, неустроенного" [\[8\]](#)), *отщепенство* ("отход, откол от своей общественное среды, а также такое поведение" [\[8\]](#)), *суета* ("торопливые и беспорядочные хлопоты, излишняя торопливость в движениях, в работе, в поведении" [\[8\]](#)), *томлюсь* ("испытывать тягость, сильное физическое или нравственное страдание" [\[8\]](#)) – все передают семантику дискомфорта на физическом уровне. Проанализируем как эти смыслы представлены в ПТ:

*There are lots of people about, all hurrying, **their faces looking intent and purposeful**. They are all going somewhere. And this means I've had it, my peace and quiet is over. I **feel restless, like a lost soul, an outsider**. The fact that **I'm not like everyone else depresses me** (The Idler. Trans. by A. Calvert) [\[20\]](#).*

Переводные соответствия единиц АСП анализируемого фрагмента выглядят следующим образом: *ощущение неприкаянности, отщепенства и суеты* – *feel restless, like a lost soul, an outsider* ("беспокойный, как потерянная душа, чужак"), очень *томлюсь* – *depresses me* ("угнетает меня"). Лексические расхождения достаточно нейтральны, все семантические компоненты ИТ присутствуют в единицах ПТ, хотя в иной последовательности и других грамматических категориях. Ведущий признак других людей, *деловые лица*, передан описательным способом: *faces looking intent and purposeful* ("лица выглядят напряженными и целеустремленными"), который, как нам представляется, развивает иной семантико-прагматический потенциал исходного выражения, не соотносящийся с представлением о том, что у других «*свои дела*», «*свой путь*», и потому не позволит адекватно соотнести этот признак с иными случаями характеристики других людей в пространстве солиптически одинокого героя.

Для русской языковой картины мира в целом характерна передача чувств посредством физиологического состояния субъекта: *от страха кровь стынет в жилах, любовь согревает*. Однако в ХКМ А. Битова способ концептуализации эмотивного состояния посредством физических ощущений является ведущим. В следующем фрагменте для описания состояния героини в момент осознания своего ОДИНОЧЕСТВА используется окказиональное слово *деревянность*, образованное по продуктивной словообразовательной модели со значением отвлеченного признака или состояния:

– *А как же я вас найду?* – спросила она в той же **грустной деревянности и чуждости** (А. Битов. *Пенелопа*) [\[13\]](#).

Применение характеристики деревянный по отношению к человеку реализует следующие смыслы: “неподвижный”, “некивой”, “лишенный чувств”. Это подтверждается и предыдущим контекстом, в котором состояние героини передается посредством таких описательных конструкций: «что-то скованное и опущенное стало в её *фигуре*», «сказала она равнодушно». Отдаление от другого, происходящее в ментальной сфере (чуждость), приводит героиню в состояние минимальной активности и нечувствительности. Обратимся к переводу этого фрагмента:

“*But how will I find you?*” she asked with that same **strange wooden sadness** (*Penelope*. Trans. by P. Monks) [\[14\]](#).

Трансформация в ПТ заключается в транспозиции прилагательного и существительного, ср.: *грустная* (прил.) *деревянность* (сущ.) и *чуждость* (сущ.) vs. *strange* (adj.) *wooden* (adj.) *sadness* (noun). В сочетаниях типа «прилагательное + существительное» главным компонентом (не только с грамматической точки зрения, но и с семантической) является именно существительное. Поэтому подобная трансформация, на наш взгляд, вносит существенные изменения в отношения когнитивной сцены. Кроме того, происходит потеря окказионализма как способа выдвижения в художественном тексте.

Вербальные реализации концептуального слова «УЕДИНЕНИЕ как психическое состояние»

Отличительной особенностью ХКМ А. Битова является появление когнитивного смысла УЕДИНЕНИЯ как пребывания в особом психическом состоянии покоя, легкости, свободы и уюта. Строго говоря, этот смысл не является новым для русской национальной ментальности, поскольку, имеет истоки в русской поэзии рубежа XVIII-XIX вв., когда, по наблюдению В. И. Тюпы, на смену существовавшему в художественной культуре авторитаризма пришла «культура уединенного сознания, получающая со временем имя романтизма и осуществляющая эстетическую легализацию внутренней обособленности индивидуального человеческого «я» от ролевых отношений миропорядка» [\[24\]](#). С приходом сентиментализма в русскую литературу смыслы УЕДИНЕНИЯ перефокусируются на психическом состоянии и закрепляются в общелитературном языке. Так УЕДИНЕНИЕ входит в эмотивную сферу, становясь феноменом настроения наравне с другими чувствами – радостью, печалью и собственно одиночеством.

Герой рассказа «Пенелопа» Лобышев, чудесным образом избежавший встречи с кем-либо в коридоре конторы и на лестнице, оказывается на Невском проспекте. Здесь много людей, но герой чувствует себя прекрасно, потому что они незнакомы и у него нет никакой необходимости вступать с ними в разговор:

Свободно и просторно было ему, когда он так шел (А. Битов. *Пенелопа*) [\[13\]](#).

He had a feeling of freedom and space as he walked like this (Penelope. Trans. by P. Monks) [\[14\]](#).

Свобода как отсутствие внутренних ограничений и простор как отсутствие внешних ограничений – сливаются в едином радостном чувстве состоявшегося УЕДИНЕНИЯ Лобышева. ПТ симметрично передает лексико-семантическое наполнение ИТ. Формальная перекодировка представляется нам вполне адекватной, поскольку за счет введения слова *feeling* ("чувство") происходит необходимая актуализация эмотивной сферы. Идентичным способом концептуализируется УЕДИНЕНИЕ героя, вернувшееся к нему в конце рассказа, ср.:

Вышел на Невский. Солнце. Девушки не было. Ему вдруг стало так пусто и легко, словно он взлетит сейчас в воздух, как отпущеный шарик. Он почти подавился – так сильно, со свистом, глотнул этот прекрасный осенний воздух. Страх прошел (А. Битов. Пенелопа) [\[13\]](#).

He went out on to Nevsky. Sun. No girl. He suddenly felt so empty and light that he might take off any minute into the air like a loose balloon. He gulped in the autumn air so deeply that he almost choked. His fear had gone (Penelope. Trans. by P. Monks) [\[14\]](#).

Лексемы *пусто* и *легко*, описывающие психофизические параметры УЕДИНЕНИЯ героя, симметрично переданы в ПТ как *felt empty and light*. Глоток воздуха и прошедший страх на метафорическом уровне служат обозначением свободы, их передающие синтаксические структуры эквивалентны в ИТ и ПТ: он *глотнул воздух* – *he gulped in the air*; страх прошел – *his fear had gone*. Вызывает некоторое сожаление упущение оценочного слова *прекрасный* (определяющего интерпретационное поле концепта УЕДИНЕНИЕ) в ПТ, которая не может быть обусловлена структурными особенностями английского языка.

Подобным образом представлены смыслы УЕДИНЕНИЯ и в finale рассказа «Но-га», когда Зайцев, так и не обретший в лице «этих двоих» (одноклассников) настоящих друзей, испытывает чувство облегчения, оставшись один:

Он почувствовал даже облегчение, когда ребята ушли. Теперь он ни от кого не зависит (А. Битов. Но-га) [\[9\]](#).

He felt a kind of relief once boys were gone. Now he didn't depend on anybody (The Leg. Trans. by P. Monks) [\[10\]](#).

В приведенном фрагменте УЕДИНЕНИЕ героя на ментальном уровне проявляется как независимость (*ни от кого не зависит*), на психическом – как облегчение. Эти ключевые смыслы переданы симметрично в ПТ: *he didn't depend on anybody, a kind of relief* ("the feeling of happiness that you have when something unpleasant stops or does not happen; the act of removing or reducing pain, worry, etc." [\[25\]](#) – «ощущение счастья, которое вы испытываете, когда что-то неприятное прекращается или не происходит; акт снятия или уменьшения боли, беспокойства и т. д.»).

Вот и герой рассказа «Бездельник» уезжает подальше от городской суеты и выходит на далеком трамвайном кольце. Что-то неведомое уводит его от домов на пустырь, и он идет туда, где в бесконечности «горизонт сливается с небом», ср.:

И мне кажется, вот так буду идти и идти без конца в ощущении покоя и счастья (А.

Битов. Бездельник) [\[19\]](#).

*And it seems to me that I'll go on and on walking like this forever, **feeling completely at peace and happy** (The Idler. Trans. by A. Calvert) [\[20\]](#).*

Концептуальное содержание УЕДИНЕНИЯ в этом фрагменте репрезентировано посредством лексем **ощущение** (понятийная категория), **покой** (понятийный признак) и **счастье** (когнитивная оценка), которые транслированы в ПТ эквивалентными единицами английского языка *feeling completely at peace and happy* при сохранении подобия формы.

Целый спектр чувств охватывает также Сергея, героя повести «Жизнь в ветреную погоду», когда он оказывается в таком же, лишенном суеты, пространстве:

*Какое-то **ласковое, прохладное, успокоительное чувство** поселилось в Сергея, когда взгляд его, **не напрягаясь**, скользил по этому ровному пространству и ему почти не на чем было задержаться <...> Взгляд все скользил, не цепляясь ни за что, – ему было **просторно**, это было сродни **глубокому вздоху**. <...> неуловимая, бледная красота пустоши входила в Сергея и наполняла некой **грустной радостью, приятным сожалением** неясно о чем (А. Битов. Жизнь в ветреную погоду) [\[15\]](#).*

АСП фрагмента: **ласковое – прохладное – успокоительное – не напрягаясь – просторно – сродни глубокому вздоху – неуловимая, бледная красота пустоши – грустная радость – приятное сожаление** – строится на общности сем 'приятно', 'покой', 'легко'. Обратим внимание, что последние два словосочетания фрагмента построены по типу оксюморона: интерпретационное поле концепта допускает сосуществование противоположных утверждений и оценок. Ср.:

*He found it **pleasantly soothing**, as his eyes slid **easily** over the flat expanse of land where there was almost nothing for them to linger on <...> His gaze went on slipping past, not resting on anything – he **felt liberated** by all this space, it was akin to a **deep sigh**. <...> the elusive, pallid beauty of the wasteland, entered Sergei and filled him with a **nostalgic happiness**, a **pleasant feeling of regret**, though it wasn't clear for what (Life in Windy Weather. Trans. by A. Calvert) [\[16\]](#).*

Переводной текст по одной части АСП демонстрирует полную лексико-семантическую идентичность: **сродни глубокому вздоху – akin to a deep sigh**, **неуловимая, бледная красота пустоши – the elusive, pallid beauty of the wasteland**, **приятным сожалением – a pleasant feeling of regret**. В другой части АСП мы наблюдаем частичную лексико-семантическую асимметрию, поддерживаемую трансформацией грамматических категорий: **ласковое прохладное успокоительное чувство – pleasantly soothing** ("приятно успокаивающим"), **не напрягаясь – easily** ("легко"), **просторно – felt liberated** ("чувствовал себя свободным"), **грустной радостью – nostalgic happiness** ("nostalgic happiness" ("ностальгическим счастьем")). В основе семантических преобразований в этой части лежит синонимическая замена, упщение, модуляция (замена следствия причиной). Однако в структуре ХКМ А. Битова подобные замены представляются вполне адекватными.

Заключение

Сопоставление оригинальных текстов прозаических произведений А. Битова с их переводами на английский язык доказало, что использование прямых межъязыковых эквивалентов в качестве переводных соответствий не всегда является релевантным в

силу того, что вербализация эмоций происходит по-разному в этих лингвокультурах. Кроме того, возможность достижения адекватности перевода зависит не только от характеристик исходного текста: эксплицитности концептуального содержания, стилистических особенностей, но и от функциональной тождественности единиц, выбранных в качестве ретрансляторов, в тексте принимающей культуры.

Как отмечают Н.В. Крюкова и В.В. Мироненко, «английский язык более прямолинеен и нейтрален в выражении чувств. В нем больше внимания уделяется фактам, логике и объективным обстоятельствам. Например, выражение "think with your head, not your heart" подчеркивает важность рационального мышления перед эмоциональным». Носители английского языка чаще используют логические высказывания для описания событий и принятий решений» [\[26, с. 565\]](#). Вероятно, именно поэтому во многих случаях английский язык оказывается вполне релевантным кодом в переводных текстах для трансляции индивидуально-авторских смыслов ментального конструкта ОДИНОЧЕСТВО/УЕДИНЕНИЕ в силу его специфики в ХКМ А. Битова.

Выявленные в ходе концептуального анализа художественного текста когнитивные признаки ОДИНОЧЕСТВА и УЕДИНЕНИЯ в большинстве случаев оказываются не только замечены, но и адекватным образом истолкованы представителями другой культуры, что не только косвенно подтверждает обоснованность их выделения нами, но и указывает на общие для всего человечества когнитивные механизмы в осмыслиении эмоциональных состояний. Анализ переводческих трансформаций в когнитивном ключе позволил определить, когда они являются вполне оправданными, поскольку позволяют сохранить равенство не только проявленных концептуальных смыслов, но и эстетического воздействия на читателя, а когда являются неправомерными в силу того, что существенно изменяют концептуальное содержание ИТ.

Реализованный в работе алгоритм сопоставительного анализа речевых репрезентантов концептов ОДИНОЧЕСТВО и УЕДИНЕНИЕ может быть применен в другие концептологических исследованиях практически любых ментальных структур.

Библиография

1. Боброва А. В. Концепты ОДИНОЧЕСТВО и УЕДИНЕНИЕ в художественной картине мира А. Битова: Автoref. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2017. 23 с. EDN: FHFFDF.
2. Комиссаров В. Н. Общая теория перевода. М.: ЧеRo, 1999. 136 с.
3. Bitov A. G. Life in windy weather: Short stories / Andrei Bitov; Ed. by Priscilla Meyer. Ann Arbor: Ardis, cop. 1986. 371 p.
4. Савельева М. С. Творчество Андрея Битова в трактовках российской и русской зарубежной литературной критики: монография. М.: МГИМО-Университет, 2016. 216 с. EDN: UJFUCE.
5. Snell-Hornby M. Translation Studies: An Integrated Approach. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamin Publishing, 1988. 170 p.
6. Болотнова Н. С. Лексическая структура художественного текста в ассоциативном аспекте. Томск, 1994. 210 с. EDN: RNLUMP.
7. Болотнова Н. С. Филологический анализ текста: пособие для филологов. Ч. 4: Методы исследования. Томск: ТГПУ, 2003. 119 с.
8. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / РАН. ИРЯ им. В. В. Виноградова. М.: А Темп, 2010. 873 с. EDN: RXPFPT.
9. Битов А. Г. Но-га [Электронный ресурс]. URL: https://www.rulit.me/books/aptekarskij-ostrov-sbornik-read-316162-11.html#section_5 (дата обращения: 18.05.2025).

10. Bitov A. *The leg* // Ten Short Stories / Translated from the Russian by P. Monks, A. Calvert, A. Nadezhina. Moscow: Raduga Publishers, 1991. C. 30-48.
11. Битов А. Г. Инфантьев [Электронный ресурс]. URL: <https://iknigi.net/avtor-andrey-bitov/72766-aptekarskiy-ostrov-sbornik-andrey-bitov/read/page-7.html>.
12. Bitov A. *Infantiev* // Ten Short Stories / Translated from the Russian by P. Monks, A. Calvert, A. Nadezhina. Moscow: Raduga Publishers, 1991. C. 240-260.
13. Битов А. Г. Пенелопа [Электронный ресурс]. URL: https://www.rulit.me/books/aptekarskij-ostrov-sbornik-read-316162-33.html#section_8 (дата обращения: 18.05.2025).
14. Bitov A. *Penelope* // Ten Short Stories / Translated from the Russian by P. Monks, A. Calvert, A. Nadezhina. Moscow: Raduga Publishers, 1991. C. 122-145.
15. Битов А. Г. Жизнь в ветреную погоду // Обоснованная ревность: повести. М.: ACT: Редакция Елены Шубиной, 2022. С. 93-122.
16. Bitov A. *Life in Windy Weather* // Ten Short Stories / Translated from the Russian by P. Monks, A. Calvert, A. Nadezhina. Moscow: Raduga Publishers, 1991. C. 188-239.
17. Битов А. Г. Образ // Обоснованная ревность: повести. М.: ACT: Редакция Елены Шубиной, 2022. С. 129-156.
18. Bitov A. *The Image* // Ten Short Stories / Translated from the Russian by P. Monks, A. Calvert, A. Nadezhina. Moscow: Raduga Publishers, 1991. C. 146-187.
19. Битов А. Г. Бездельник [Электронный ресурс]. URL: https://www.rulit.me/books/aptekarskij-ostrov-sbornik-read-316162-17.html#section_6 (дата обращения: 18.05.2025).
20. Bitov A. *The Idler* // Ten Short Stories / Translated from the Russian by P. Monks, A. Calvert, A. Nadezhina. Moscow: Raduga Publishers, 1991. C. 146-187.
21. Русские писатели 20 века: Биограф. словарь / Гл. ред. и сост. П. А. Николаев. М.: Большая Рос. энцикл.: Рандеву-АМ, 2000. 806 с.
22. Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкоznания. 1995. № 1. С. 37-67. EDN: PVLFB.
23. Набоков В. Комментарии к "Евгению Онегину" Александра Пушкина. М.: Интелвак, 1999. URL: <http://nabokov-lit.ru/nabokov/kritika-nabokova/kommentarii-k-evgeniyu-oneginu/1-punkty-xxxiii-xxxvii.htm> (дата обращения: 18.05.2025).
24. Тюпа В. И. К вопросу о мотиве "уединения" в русской литературе Нового времени // Материалы с словарю сюжетов и мотивов русской литературы. Вып. 2. Сюжет и мотив в контексте традиции. Новосибирск, 1998. С. 49-55.
25. Oxford Learner's Dictionaries [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (дата обращения: 18.05.2025).
26. Крюкова Н. В., Мироненко В. В. К проблеме формирования национальной языковой картины мира (на примере русского и английского языков) // Ученые записки НовГУ. 2024. № 3 (54). С. 561-567. DOI: 10.34680/2411-7951.2024.3(54).561-567. EDN: HRAHSK.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье предметом исследования выступают содержательная специфика концептов 'одиночество' и 'уединение' в художественной картине мира писателя А. Битова и особенности их передачи при переводе художественного текста. Актуальность не вызывает сомнения: во-первых, когнитивное направление считается одним из наиболее перспективных и важных в современной лингвистике в целом, а

лингвистическая концептология является неотъемлемой и существенной частью этого направления; во-вторых, данная работа «включается в обсуждение актуальных проблем коммуникативной лексикологии, межкультурной коммуникации, теории и методологии перевода художественного текста, поскольку представляет собой попытку комплексного описания языковой материализации концептуального содержания 'одиночество' и 'единение' в оригинальных и переводных текстах А. Битова». Материалом исследования послужили произведения А. Битова, созданные им в 1960-1980-х гг.: «Бездельник», «Инфантьев», «Жизнь в ветреную погоду», «Но-га», «Образ», «Пенелопа», а также их переводы на английский язык, выполненные А. Калверт и П. Монкс.

Теоретической основой научной работы явились труды отечественных и зарубежных ученых, посвященные общей теории перевода; проблеме формирования национальной языковой картины мира; творчеству Андрея Битова в трактовках российской и русской зарубежной литературной критики и концептам 'одиночество' и 'единение' в его художественной картине мира и др. Библиография насчитывает 26 источников, в том числе 13 литературных (произведения А. Битова на русском и английском языках), соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. Методология исследования определена поставленной целью и носит комплексный характер: использованы общенаучные методы анализа и синтеза, описательный метод, включающий наблюдение, обобщение, интерпретацию, классификацию материала, сравнительно-сопоставительный и контекстуально-интерпретационный методы, компонентный, этимологический, контекстный, концептуальный и когнитивный анализы.

В ходе исследования рассмотрены теоретические аспекты изучаемой проблематики; изучены вербальные реализации концептуальных слоев «'одиночество' как неодинаковость ментального действия», «солиптическое 'одиночество'», «'одиночество' как чувство», «'единение' как психическое состояние». Сформулированы обоснованные выводы о том, что «выявленные в ходе концептуального анализа художественного текста когнитивные признаки 'одиночества' и 'единения' в большинстве случаев оказываются не только замечены, но и адекватным образом истолкованы представителями другой культуры, что указывает на общие для всего человечества когнитивные механизмы в осмыслиении эмоциональных состояний»; «анализ переводческих трансформаций в когнитивном ключе позволил определить, когда они являются вполне оправданными, поскольку позволяют сохранить равенство не только проявленных концептуальных смыслов, но и эстетического воздействия на читателя, а когда являются неправомерными в силу того, что существенно изменяют концептуальное содержание исходного текста (ИТ)».

Теоретическая значимость исследования связана с определенным вкладом результатов проделанной работы в развитие таких современных научных направлений, как лингвокогнитология, эмотиология, коммуникативная стилистика, контрастивная лингвистика, межкультурная коммуникация; в комплексное изучение концептов 'одиночество' и 'единение' в художественной картине мира Андрея Битова. Практическая значимость заключается в возможности использования ее результатов в вузовских курсах по межкультурной коммуникации, лингвокультурологии, лексикологии и переводоведению, идиостилю Андрея Битова.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую его полноценному восприятию. Содержание рукописи соответствует названию. Стиль изложения отвечает требованиям научного описания и характеризуется логичностью и доступностью. Статья имеет завершенный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».

